

Слово о полку Игореве

Древнерусский текст

Древнерусский оригинал «Слова» (по изданию 1800 г.) воспроизводится в исправленном виде; все необходимые поправки внесены в текст. Орфография максимально приближена к современной.

Слово о походе Игоредем, Игоря, сына Святославова, внука Олегова

Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореде, Игоря Святославлича! Начати же ся той песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мысию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшетъ бо речъ первых времен усобице, – тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожьскими, красному Романови Святославличю. Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вещиа персты на живая струны воскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимирера до ныняшнаго Игоря, иже истягну умъ крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнивсѧ ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Рускую.

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сѧ полкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы! Пети было песнь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая, галици стады бежать к Дону великому». Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржутъ за Сулою, звенить слава в Киеве. Трубы трубать в Новеграде, стоять стязи в Путивле».

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святославлича. Седлай, брате, свои борзый комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напередѧ. А мои ти куряни – сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конецъ копѧ възкормлени; пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы серыи волци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзые комони, да позрим синего Дону!» Спала князю умъ похоть, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. «Хощу бо, – рече, – копие приломити конецъ поля половецкаго с вами, русици! Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда възступи Игорь князь в злат стремянь и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свист зверин възта; збися Див, кличет верху древа – велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмотораканьскый болван! А половци неготовыми дорогами побегоша к Дону великому; крычат телегы полунощы, рци лебеди распужени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птицъ по дубию; волци грозу въерожат по яругам; орли клетом на кости звери зовут; лисици брешут на черленя щиты. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Долго ночь меркнет. Заря свет запала, мгла поля покрыла; щекот славий успе, говор галичь убудиси. Русичи великая поля черлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

С зарания в пяток потопташа поганя полкы половецкыя и, рассушяся стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом – и всякимн узорочьи половецкыми. Черлен стяг, бела хирюговъ, черлена чолка, сребрено стружие – храброму Святославличю!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведает; черныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца, а в них трепещуть синии молнии. Быти грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся копием приламат, ту ся саблям потручяти о шеломи половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Руская земле, уже за шеломянем еси! Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы. Земля тутнет, реки мутно текутъ; пороси поля прикрывают; стязи глаголют – половци идуть от Дона и от моря; и от всех стран Рускыя полкы оступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша черлеными щиты.

Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шеломи мечи харалужными. Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя от тебе, яр туре Всеволоде! Кая рана дорога, братие, забыв чти, и живота, и града Чернигова, отня злата стола и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая!

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были полци Олговы, Ольга Святославличя. Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше; ступает в злат стремянь в граде Тьмуторокане, – той же звон слыша давный великий Ярославль сын Всеволод, а Владимир по вся утра уши закладываше в Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на ковыле зелену паполому постла за обиду Олгову, – -храбра и млада князя. С тоя же Каялы Святополкъ полелея отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву. Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, в княжих крамолах веци человекомъ скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани гряхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь гозоряхуть, хотять полетети на уедие. То было в ты рати и в ты полкы, а сицеи рати не слышано.

С зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленыя, гримлют сабли о шеломи, трещат копиа харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи. Черна земля под копыты костью была посеяна, а кровию поляна; тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звонить далече рано пред зорями? Игорь полкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пир докопчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону: плещучи, упуди жирня времена. Усобица князем на поганья погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран приходяху с победами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птицъ бья, к морю! А Игорева храбраго полку не кресити! За ним кликну карна, и жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи в пламяне розе. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора.

Тии бо два храбрая Святославлича, Игорь и Всеволод, уже лжу убудиста, которую то бяше успил отец их Святославъ грозный великий Киевский грозою: бяшетъ притрепетал своими сильными полкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта холми и яругы; взмути реки и озеры; иссуши потоки и болота; а поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких, яко вихр, выторже, – и падесе Кобяк в граде Киеве, в gridнице Святославли. Ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святославлю, кають князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы, реки половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь выседе из седла злата, а в седло кощиево. Уныша об градом забралы, а веселие понице.

А Святославъ мутен сон виде в Киеве на горах. «Си ночь, с вечера, одевахуть мя – рече – черною паполомою на кровати тисове; черпахуть ми синее вино, с трудомъ смешено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великий женчюгъ на лоно и неговахуть мя. Уже доски без кнеса в моем тереме златоверсем; всю ночь с вечера босуви врани възгряху у Плеснеска на болони, беша дебрь Кисаню и не сошлю к синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самаю опуташа в путины железны. Темно бобе в 3 день: два солнца померкоста, оба багряная столпа погасоста и с ними молодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста и в море погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо. Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вержеся Дивь на землю. Се бо готския красныя девы воспеша на брезе синему морю, звоня руским златом; поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святослав изрони злато слово, с слезами смешено, и рече: "О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати: но не честно одолесте, не честно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду власти сильного и богатого и многовая брата моего Ярослава с черниговскими былями, с могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчаки, и с ревугы, и с ольберы: тии бо бес щитовъ с засапожники кликом полкы побеждают, звонячи в прадедную славу.

Но рекосте: «Мужаимеся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами поделим!» А чи диво ся, братие, стару помолодити! Коли сокол в мытех бывает, – высоко птиц възбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но се зло: княже ми непособие – наниче ся години обратиша. Се у Рим кричат под саблями половецкими, а Володимир – под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стреляти – удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли вои злаченными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме!

Вступита, господина, в злат стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы угорскыи своими железными полки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, мечя бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кощей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носит ваш ум на дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол, на ветрех ширяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железный папорзи под шеломы латинскими: теми тресну земля, и многи страны – Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци – сулицы своя повергоша а главы своя подклониша под тии мечи харалужныи. Но уже, княже, Игорю утрпе солнцю свет, а древо не бологом листвие срони – по Роси и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго полку не кресити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань. Ингварь и Всеволод и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци! Не победными жребии себе власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

Уже бо Сула не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под черлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи, и схоти ю на кровать и

рек: «Дружину твою, княже, птицъ крилы приоде, а звери кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячеслава, ни другаго – Всеволода. Един же изрони жемчужну душу из храбра тела чрес злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубят городеньскіи.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени – уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо беше насилие от земли Половецкыи".

На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицу себе любу. Той клюками подпръся, оконися и скочи к граду Киеву, и дотчеша стружием злата стола Киевскаго. Скочи от них лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мьгле; утръ же вознзи стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с. Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чеи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни – посеяни костями русских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Киева дорискаше до кур Тмутороканя, великому Хорсови волком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Киеве звон слыша. Аще и вещь душа в дерзе теле, но часто беды страдаше. Тому вещей Боян и первое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли, помянувшѣ первую годину и первых князей! Того старого Владимира нельзе бе пригвоздити к горам киевским! Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, но розно ся им хоботы пашут, копия поют.

На Дунаи Ярославнын глас ся слышит, зегзицею незнаема рано кычеть: «Полечю – рече – зегзицею по Дунаеви, омочю бебрян рукав в Каяле реце; утру князю кровавыя его раны на жестоцем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «О, ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши! Чему мычеши хиновъскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бьшет горе под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселіе по ковылию развея?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святослави носады до полку Кобякова. Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано!»

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жажду имъ лучи съпряже, тугою им тули затче?»

Прысну море полунощи; идут сморци мьглами. Игореви князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до малаго Донца. Комонь в полуночи.

Овлур свисну за рекою; велить князю разумети. Князю Игорю не быть! Кликну; стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкыи подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и белым гоголем на воду. Въвержеша на борз комонь и скочи с него босым волком. И потече к лугу Донца и полете соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку и

обеду и ужине. Коли Игорь соколом полете, тогда Влур волком потече, труся собою студеную росу; преторгоста бо своя борзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на волнах, ставшшу ему зелену траву на своих сребреных брезех, одевавшу его теплыми мглами под сению зелену древу; стрежаше его гоголем на воде, чайцами на струях, чернядьми на ветрах». Не тако ли – рече – река Стugna; худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днепръ темне березе. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславе. Уныша цветы жалобою, и древо с тугою к земли преклонилося. А не сорокы втроскоташа – на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть, галици помолкоша, сорокы не трескоташа, полозие ползоша только. Дятлов тектом путь к реце кажут, соловии веселыми песьми свет поведаят. Молвит Гзак Кончакови: «Аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляево своими злаченными стрелами». Рече Кончак ко Гзе: «Аже сокол к гнезду летит, а ве соколца опутаево красною дивницею». И рече Гзак к Кончакови: «Аще его опутаево красною дивницею, ни нама будет сокольца, ни нама красны дивце, то почнут наю птици бити в поле Половецком».

Рек Боян и ходы на Святославля песнотворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы» – Руской земли без Игоря. Солнце светится на небесе – Игорь князь в Руской земли. Девизи поют на Дунаи, вьются голоси чрез море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святей богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Певше песнь старым князем, а потом молодым пети. Слава Игорю Святославличю буй-туру Всеволоду Владимиру Игоревичу! Здравии князи и дружина, побарая за христьяны на поганья полки. Князем слава а дружине! Аминь.

Прозаический перевод на современный русский язык

Слово о походе Игорево, Игоря, сына Святославова, внука Олегова

Не начать ли нам, братья, по-стародавнему скорбную повесть о походе Игорево, Игоря Святославича! Или да начнется песнь ему по былям нашего времени – не по замыслению Боянову! Ведь Боян вещий когда песнь кому сложить хотел, то белкою скакал по дереву, серым волком по земле, сизым орлом кружил под облаками. Поминал он давних времен рати – тогда пускал десять соколов на стаю лебедей; какую догонял сокол, та первая песнь пела старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, красному Роману Святославичу. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря что отвагою закалил себя, заострил сердца своего мужеством и, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Вот когда бы ты, соловей, эти полки щекотом своим воспел, мыслию скача по дереву, умом летая под облаками, свивая славу давнего и нынешнего времени, волком рыща по тропе Трояновой через поля на горы! Так бы тогда пелась слава Игорю, Олегову внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому». Или так зачалась бы она, вещий Боян, внук Велесов: «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И. сказал ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи. Седлай, брат, своих борзых коней, – мои давно у Курска стоят наготове. А мои куряне – дружина бывалая: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути ими исхожены, овраги ведомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут, как серые волки в поле, себе ища чести, а князю славы».

Тогда посмотрел Игорь на светлое солнце и увидел, что тьма от него все войско покрыла. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше в битве пасть, чем в полон сдаться. А сядем, братья, на своих борзых коней, поглядим на синий Дон!» Запала князю дума Дона великого отведать и знамение небесное ему заслонила. «Хочу, – сказал, – копье преломить у степи половецкой с вами, русичи! Хочу голову свою сложить либо испить шеломом из Дону».

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце мраком путь ему загородило; тьма, грозу суля, громом птиц пробудила; свист звериный поднялся; Див забился, на вершине дерева кличет – велит послушать земле неизвестной. Волге, и Поморью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тмутараканский идолище! А половцы дорогами непроторенными побежали к Дону великому; скрипят телеги их в полночи, словно лебеди кричат распуганные.

Игорь к Дону воинов ведет. Уже беду его стерегут птицы по дубам; волки грозу накликают по оврагам; орлы клетком на кости зверей сзывают; лисицы брешут на червлёные щиты О Русская земля, а ты уже скрылась за холмом!

Долго ночь меркнет. Но вот заря свет запалила, туман поля покрыл; уснул щеко́т соловьиный, говор галок пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, себе ища чести, а князю славы.

Утром в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам – и всяким узорочьем половецким Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко – храброму Святославичу!

Дремлет в степи Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно рождено на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след прокладывает к Дону великому.

На другой день рано утром кровавые зори рассвет возвещают; чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великого! Тут копьям поломаться, тут саблям постучать о шлемы половецкие, на реке на Каяле у Дона великого. О Русская земля, а ты уже скрылась за холмом!

Вот ветры, Стрибожьи внуки веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут; пыль степь заносит; стяги весть подают – половцы идут от Дона и от моря; со всех сторон они русские полки обступили. Дети бесовы кликом степь перегородили, а храбрые русичи преградили степь червлеными щитами.

Яр-тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, мечешь стрелы на поганых, стучишь о шлемы мечами харалужными. Куда, тур, поскачешь, своим золотым шеломом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие. Порублены саблями калеными шлемы аварские тобою, яр-тур Всеволод! Что тому раны, братья, кто забыл и жизнь, и почести, и город Чернигов, отчий золотой стол, и милой своей красной Глебовны свечаи и обычаи!

Были века Трояновы, прошли лета Ярославовы; были походы Олеговы, Олега Святославича Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял; ступит в золотое стремя в городе Тмутаракани – звон тот слышит старый великий Ярослав сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши себе закладывает в Чернигове. Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела и на ковыль-траве покров смертный зелёный постлала за обиду Олегову – храброго и юного князя. С той же Каялы Святополк прилелеял отца своего между угорскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче заседалась и росла усобицами, погибала отчина Дажьбожьего внука в крамолах княжих век человеческий сокращался. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы себе деля, а галки свою речь говорили, лететь собираясь на поживу. То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано.

С утра раннего до вечера, с вечера до света летят стрелы калёные, стучат сабли о шеломы, трещат копыя харалужные в степи незнаемой, посреди земли Половецкой. Чёрная земля под копытами костыми была засеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле. Что шумит, что звенит на рассвете рано перед зорями? Игорь полки поворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина

недостало; тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, деревья в горе к земле склонились.

Уже, братья, невеселое время настало, уже степь силу русскую одолела. Обида встала в силах Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову, взмахнула лебедиными крылами на синем море у Дона: прогнала времена счастливые. Война князей против поганых пришла к концу, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить, а сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходят с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, к морю! А Игорева храброго полку уже не воскресить! Запричитало по нем горе, и стенанье пронеслось по Русской земле, огонь сея из пламенного рога. Жены русские восплакались, говоря: «Уже нам своих милых лад ни мыслю смыслить, ни думою сдумать, ни очами приворожить, а золота и серебра и в руках не поддержать!»

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль многая рекою протекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу куют, а поганые с победами набегают на Русскую землю, дань беря по белке от двора. Ведь те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, зло пробудили, которое усыпил было грозой отец их Святослав грозный великий Киевский: прибил своими сильными полками и харалужными мечами, наступил на землю Половецкую; притоптал холмы и овраги; замутил реки и озера, иссушил потоки и болота: а поганого Кобяка из лукоморья от железных великих полков половецких, как вихрь, вырвал, – и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и венециане, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, что добычу утопил на дне Каялы, реки половецкой, золото свое рассыпал. Тут Игорь князь пересел с седла золотого, а в седло невольничье. Приуныли у городов стены, а веселье поникло.

А Святослав темный сон видел в Киеве на горах «Ночью этой с вечера накрывали меня, – сказал, – покровом черным на кровати тисовой; черпали мне светлое вино, с горечью смешанное; сыпали мне из пустых колчанов половецких крупный жемчуг на грудь и величали меня. И кровля уже без князька в моем тереме златоверхом, и всю ночь с вечера серые вороны у Плеснеска на лугу граяли».

И сказали бояре князю: "Кручина, князь, разум твой полонила: ведь два сокола слетели с отчего стола золотого – добыть хотели города Тмутараканя либо испить шелоном из Дону. Но уже соколам крылья подсекли поганых саблями, а самих опутали путами железными. Темно было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклось, и в море утонули, и великую дерзость подали поганым. На реке на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земле разбрелись половцы, как пардусов выводок. Уже насела хула на хвалу; уже перемогло насилие волю; уже кинулся Див на землю. Вот готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом; поют они время Бусово, лелеют месть за Шарокана. А мы, дружина, уже живем без веселья".

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: "О сыны мои, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкую землю мечами кровавить, а себе славы

искать: без чести для себя ведь вы одолели, без чести для себя кровь поганую пролили. Храбрые сердца ваши из харалуга крепкого скованы, в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

Уже не вижу я силы могучего и богатого и воинами обильного брата моего Ярослава с черниговскими былями, с могутами и с татранами, с шельбирами, топчаками, ревугами и ольберами: те ведь без щитов, с одними ножами засапожными, кликом полки побеждают, звеня прадедовской славой.

Вы сказали: «Помужаемся сами, и прошлую славу себе возьмем, и нынешнюю поделим!» Но не диво, братья, и старому помолодеть! Когда сокол перья роняет, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Одна беда: князья мне не в помощь – худая пора настала. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир – под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод! Разве и мысли нет у тебя прилететь издал^ока отчий золотой стол посторожить? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать. Здесь был бы ты, невольница была бы по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь и посуху живыми копьями метать – удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и ты, Давыд! Ваши воины в золоченых шлемах – не они ли по крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рык издает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле незнаемом! Вступите, князья, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованом столе, подпираешь горы угорские своими железными полками, королю загораживаешь путь, затворяешь Дунаю ворота, клади бросая через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твоей земли страшатся; Киеву отворяешь ворота, за дальними странами в салтанов стреляешь с отчего золотого стола. Стреляй же, господине, и в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

А ты, славный Роман, и ты, Мстислав! Храбрая дума на подвиг вас зовет. Высоко взлетаешь ты на подвиг ратный в отваге, словно сокол, на ветрах парящий, что птицу в ярости хочет одолеть. У вас железные кольчуги под шлемами латинскими: от них дрогнула земля, и многие страны – Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы – сулицы свои побросали и головы свои склонили под те мечи харалужные. Но уже, князь, потемнел для Игоря солнца свет, а деревья не к добру листья обронили – по Руси и Суле города поделили. А Игорева храброго полку уже не воскресить. Дон тебя, князь, кличет, зовет князей на победу.

Олеговичи, храбрые князья, уже ведь приспели на брань.

Ингварь и Всеволод и вы, три Мстиславича не худого гнезда соколы-шестокрыльцы! Не по жребию побед вы себе волости расхватили! Где же ваши золотые шелома, и сулицы лядские, и щиты! Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Уже ведь Сула не течет серебряными струями для города Переяславля, и Двина у тех грозных полочан мутно течет под кликом поганых. Один Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, побил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве побит был мечами литовскими и так сказал:

«Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, звери кровь полизали». И не было тут брата Брячислава, ни другого – Всеволода. Одинок изронил он жемчужную душу из храброго тела сквозь золотое ожерелье. Приуныли голоса, веселье поникло, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеславовы! Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои зазубренные – уже выпали вы из дедовской славы. Вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за уособицы ведь стало насилие от земли Половецкой.

На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав жребий о девице, ему любой. Изловчился, сел на коня, поскакал к городу Киеву, коснулся копьем золотого стола Киевского. Из Белгорода в полночь поскакал лютым зверем, завесившись синей мглой, утром отворил ворота Новугороду, расшиб славу Ярославову, поскакал волком от Дудуток до Немиги. На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были засеяны – засеяны костями русских сынов. Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал; из Киева до петухов, великому Хорсу волком путь перебегая, в Тмутаракань добирался. Ему в Полоцке звонили заутреню рано у святой Софии в колокола, а он звон тот в Киеве слышал. Хоть и вещая душа была в отважном теле, но часто он беды терпел. Ему вещий Боян такую припевку, мудрый, сложил: «Ни хитрому, ни умному, ни ведуну разумному суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле, поминая прежнее время и прежних князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским. Стали стяги его ныне Рюриковы, а другие Давыдовы, но врозь они веют, несогласно копья поют.

На Дунае Ярославны голос слышится чайкою неведомой утром рано стонет: «Полечу я чайкою по Дунаю, омочу рукав я белый во Каяле-реке, утру князю кровавые раны на могучем его теле».

Ярославна утром плачет в Путивле на стене, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господине, так сильно веешь! Зачем мчишь вражьи стрелы на своих легких крыльях на воинов моей лады? Или мало тебе высоко под облаками веять, лелея корабли на синем море! Зачем, господине, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано утром плачет на стене Путивля-города, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы челны до полку Кобякова. Прилелей же, господине, мою ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано!»

Ярославна рано плачет на стене в Путивле, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты красно и тепло. Зачем, господине, простерло ты горячие лучи свои на воинов лады? В степи безводной жаждою согнуло им луки, тоскою замкнуло колчаны?»

Вспенилось море в полуночи; смерчи идут туманами. Игорю князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему столу золотому. Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь не спит, Игорь мыслию степь мерит от великого Дону до малого Донца. В полночь Овлур свистнул коня за рекою; Велит князю не дремать. Кликнул; стукнула земля, зашумела трава, ежи половецкие задвигались. А Игорь князь поскакал горностаем к камышу, пал

белым гоголем на воду. Кинулся на борзого коня и соскочил с него серым волком. И побежал к лугу Донца, и полетел соколом под туманами, избивая гусей и лебедей к обеду, и полднику, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, труся собою студеную росу; надорвали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе славы, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! Не мало тебе славы, что лелеял князя на волнах, сталл ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева, стерег его гоголем на воде, чайками на волнах, утками на ветрах». Не такова, сказал, река Стугна; мелкую струю имея, поглотила она чужие ручьи и потоки, потопила в омуте у темного берега юношу князя Ростислава. Плачет мать Ростиславова по юном князе Ростиславе. Приуныли цветы от жалости, и деревья в горе к земле склонились. То не сороки застрекотали – по следу Игореву едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, ползали змеи-полозы только. Дятлы стуком путь к реке кажут, соловьи веселыми песнями рассвет вещают. Молвит Гзак Кончаку: «Коли сокол к гнезду летит, соколенка расстреляем своими золочеными стрелами». Сказал Кончак Гзе: «Коли сокол к гнезду летит, а мы соколенка опутаем красною девицею». И сказал Гзак Кончаку: «Коли опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, а начнут нас птицы бить в степи Половецкой».

Сказал Боян, песнотворец старого времени, Ярославова и Олегова: «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря. Солнце светит на небе – Игорь князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы. Воспев славу старым князьям, а потом молодых величать будем. Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравы будут князья и дружина, поборая за христиан против поганных полков. Князьям слава и дружине! Аминь.

Поэтический перевод В. А. Жуковского

Слово о полку Игореве

*Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, тот первую песнь пел:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещице персты свои на живые струны складывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
"Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.
Сядем же, друга, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона".
Вспала князю на ум охота,
Знаменья заступило ему желание*

Отведать Дона великого.
"Хочу, – он рек, – преломить копье
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или испытать шеломам Дону".
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древ,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропую Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие -
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
"Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы перед Курском.
А куряне мои – бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы".
Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозой шумя на него, птиц пробудила;

Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа,
Велит прислушать земле неизвестной,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан Тмутороканский!
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому:
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет.
Уже беда его птиц окликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клетком орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червлёные щиты....
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих
Русские поле великое червлёными щитами огородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты;
Ортмами, епанчицами, и мехами, и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червлёный с белой хоругвию,
А челка червлёная со древком серебряным
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо -
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, чёрный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.
И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Чёрные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.

Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Ту-то копьям поломаться,
Ту-то саблям притупиться
О шеломы половецкие
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
Уж ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют;
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червлеными.
Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным!
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие!
Порублены калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почесгах,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О красной Глебовне, милом своем желании, свичае и обычае?
Были сечи Трояновы,
Миновали лета Ярославовы:
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тмуторокани.,
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на конскую зеленую попону положила

За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Меж угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и вырастало междоусобием,
Погибала жизнь Дажьбожиих внуков,
В крамолах княжеских век человеческий сокращался,
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто враны кричали,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили,
Сбираясь лететь на обед.
То было в тех ратях и тех походах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копыя
В поле неизвестном
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костью была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле возшло бедой.
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Бились день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы.
Тут разлучились братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир dokonчили храбрые воины русские:
Сватов попили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле приклонилось.

Уже невеселое время, братья, настало:
Уже пустыня силу прикрыла;
И встала обида в силах Дажьбожиих внуков,
Девой ступя на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синем море у Дону плескаясь.
Прошли времена благоденствия,
Миновались брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князи про малое спорить, как бы про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех стран набежали с победами на землю Русскую!
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А бесстрашному полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге.
Жены русские всплакали, приговаривая:
"Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много потратить!"
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами врывались в землю Русскую,
Дань собирали по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, пробудили коварство,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь Киевский.
Гроза Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными ратями
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки-болота;
А Кобяка неверного из луки моря

От железных великих полков половецких
Вихрем исторгнул,
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой,
Немцы и венеды,
Греки и моравы
Славу поют Святославову,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпав ее золотом русским.
Там Игорь-князь из златого седла пересел в седло кощеево;
Унылы в градах забрали,
И веселие поникло.
И Святославу мутный сон привиделся:
"В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, – рек он, – черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великий в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на склон у Пленьска в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?"
И бояре князю в ответ рекли:
"Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тмутороканя
Иль выпить шеломом из Дону.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах".
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,

Неволя ударила на волю,
Вергнулся Див на землю.
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием.
Тогда изронил Святослав великий слово златое, с слезами смешанное:
"О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честью вы победили,
С нечестьем пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого, многовойного брата
Ярослава,
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татринами и шельбирами,
С топчаками, ревутами и ольберами.
Они без щитов, с кинжалами засапожными,
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: "Мы одни постоим за себя,
Славу передню сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!"
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего.
Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и Роман кричит под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где же ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча отцовский златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,

Будь ты с ними, и была бы чага по ногате,
А кощей по резане.
Ты же посуху можешь с чадами Глеба удалыми
Стрелять живыми самострелами.
А вы, бесстрашные, Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены в поле незнаемом?
Вступите, вступите в стремя золотое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем золотокованом!
Подпер Угорские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облака мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
Гроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь ты Киеву,
Стреляешь в султанов с золотого престола отцовска через далекие земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и смелый Роман!
Храбрая мысль носит ваш ум на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули ими многие земли и области хановы,
Литва, Деремела, Ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть.
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князи, dospели на бой.

Вы же, Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам златые ваши шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!"
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю:
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
А сам под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
"Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!"
Не было тут брата Брючислава, ни другого – Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелье!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
Ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслави,
Пришло преклонить вам стяги свои,
Пришло вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
Бывало нам прежде какое насилие от земли
Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил жребий Всеслав о девице милой.
Он, подпершись клюками сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до златого престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,

Синею мглою обвешенный,
Поутру же, стрикузы водрузивши, раздвинул врата Новугороду
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немиге.
На Немиге стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немиги не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тмуторокани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святых Софии,
А он в Киеве звон слышал.
Пусть и вещая душа была в крепком его теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему и вещей Боян древней припевкой предрек:
"Будь хитер, будь смышлен.
Будь по-птичьи горазд,
А божьего суда не минуешь!"
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;
Нося на рогах их, волы ныне землю пашут
А копыта поют на Дунае".
Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечеткою кличет.
"Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его".
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:
"О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
На что же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?

Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?"
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:
"О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
Ты пробил горы каменны
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам по зарям слез я на море!"
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской, припеваючи:
"Ты светлое, ты пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?"
Прыснуло море ко полуночи,
Идут мглою туманы:
Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю.
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит – не спит,
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи,
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвинулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвернулся князь на быстра коня,
Соскочил с него бесом-волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,

Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней.
Донец говорит: "Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
А Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!"
Игорь в ответ: "Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого дерева,
Охранявшего его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах.
Не такова, – примолвил он. – Стугна-река.
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов раздирает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр, затворил брега темные.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле приклонило".
Не сороки застрекотали:
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
"Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злаченными!"
Гзак в ответ Кончаку;
"Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка опутаем красною девицей!"

И сказал опять Гзак Кончаку:
"Если опутаем красною девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красныя девицы,
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!"
Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруги дщери Когановой.
"Тяжко, – сказал он, – быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!"
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе, -
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
К святой богородице Пирогощей.
Радуются земли,
Веселы грады.
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!